

Акад. В. В. Струве

ДАТИРОВКА БЕХИСТУНСКОЙ НАДПИСИ

События, описанные Дарием I в первых 4 столбцах Бехистунской надписи, относятся к первому году его правления, начиная с октября 522 г., когда был убит маг Гаумата, и кончая ноябрем 521 г., когда был подавлен вторичный мятеж в Вавилонии¹. Основная часть рельефа, изванного над древнеперсидским текстом Бехистунской надписи, изображает главных действующих лиц этих событий. Работы по выполнению рельефа были, несомненно, весьма трудоемки и потребовали поэтому некоторого времени, в течение которого был захвачен и Фрада, вождь восставшей Маргианы, который раньше, при разгроме его войска 13 декабря 522 г. до н. э.², сумел скрыться. В связи с этим изображение Фрады было изваяно на рельфе дополнительно; оно помещено вслед за изображением руководителя второго вавилонского восстания Арахи, который был захвачен еще в первый год царствования Дария³. Фигура Фрады полностью заполнила то пустое пространство, которое было первоначально оставлено за рельефными изображениями мятежников. Изображение фигуры Фрады должно было отделить рельеф от вырезаемого направо от него эламского перевода древнеперсидского текста.

Когда все указанные работы на Бехистунской скале были завершены, в державе Дария произошли новые крупные события: в Эламе вспыхнуло и было подавлено новое восстание, а сам Дарий совершил поход против саков-массагетов, нанесших в 530 г. сокрушительное поражение Киру⁴. Эти события были в глазах Дария настолько значительны, что он решил также увековечить их на Бехистунской скале. По его приказу был добавлен пятый столбец к имевшимся уже четырем столбцам древнеперсидского текста. Но для того, чтобы отразить эти события так же и в рельефе, дополнить его изображениями главаря мятежных эламитян и вождя саков-массагетов,

¹ Твердое основание для окончательного определения столъ долго остававшейся загадкой хронологии событий Бехистунской надписи было дано открытием в 1938 г. в эламских табличках хозяйственной отчетности Персепольских архивов порядка месяцев эламского календаря, а через это и порядка месяцев древнеперсидского доавестийского календаря. См. AJSI, LIV (1938), стр. 130—141.

² Бех., III, 10—21. Дарий повествует здесь лишь о победе сатрапа Бактрии Дадаршиша над маргианцами и о подавлении мятежа. Он не сообщает ни слова о пленении Фрады, которого мятежники сделали своим «величайшим». Во всех же других случаях повествования о поражении мятежников надпись указывает на то, что руководитель восстания был захвачен и казнен.

³ См. F. K ö p i g, Relief u. Inschrift des Königs Dareios I am Felsen von Bagistan, Leiden, 1938, стр. 13—14.

⁴ О том, что врагами Дария были не черноморские саки, а саки-массагеты, см. В. В. Струве, Поход Дария I против саков-массагетов, ИАН ОИФ, 1946, № 3.

уже не было места: после включения изображения Фрады рельеф непосредственно примыкал к тексту эламского перевода древнеперсидской надписи. Поэтому Дарий приказал уничтожить часть эламской надписи и освободить таким образом место для изображения сака Скунхи¹. Что же касается изображения предводителя восставших эламитян, то оно не было помещено, повидимому, потому, что он представлялся лицом менее значительным, и потому что на рельефе уже были представлены два вождя эламитян, восставших в первом году Дария, — Ассина и Мартия. Эламский перевод первых четырех столбцов древнеперсидской надписи Дарий приказал вырезать слева от персидского текста. Вновь вырезанная эламская надпись была помещена под тремя столбцами высеченной направо от рельефа вавилонской версии повествования о событиях первого года правления Дария, соответствующей четырем столбцам основной персидской надписи².

Подобные радикальные изменения, произведенные Дарием в первоначальной структуре памятника своих побед, доказывают с несомненностью, что события первого года его царствования были отделены от его похода на саков-массагетов не слишком коротким временем. Действительно, завершение первоначально намеченной структуры Бехистунского памятника было, как выше сказано, настолько трудоемким, что требовало определенного времени. Работы над памятником могли, конечно, начаться лишь после победоносного окончания походов первого года подавлением в ноябре 521 г. второго вавилонского восстания, т. е. во втором уже году Дария, в течение которого, вероятно, был пленен и Фрада, вождь восстания в Маргиане. Надо поэтому полагать, что рельеф с включением в него фигуры Фрады, 4-го столбца персидской надписи, ее первый эламский перевод и, наконец, вавилонская версия были завершены не раньше четвертого года Дария.

Это приблизительное определение времени завершения работы над первоначальной структурой памятника существенно поможет при решении неоднократно ставившегося вопроса, когда же началось третье восстание эламитян и поход Дария I против саков-массагетов, населявших область, входившую в состав нашей Узбекской республики³. В последнем известном мне исследовании, посвященном вопросу восстановления фрагментированного начала V столбца, содержавшего дату третьего восстания эламитян и похода Дария I на саков-массагетов, совсем не был принят во внимание момент учета времени, необходимого для создания Бехистунского памятника⁴.

Дело в том, что начало V столбца Бехистунской надписи, где был указан год увековеченных ниже деяний Дария, настолько плохо сохранилось, что до сих пор казалось как будто невозможным предложить

¹ См. новую фотографию Бехистунского рельефа, снятую не снизу, а с параллельного уровня на противоположной скале при помощи телескополинзы (JNES, II, № 2, габл. II). На этой фотографии вполне ясно видно, что изображение Скунхи не является органической частью первоначального рельефа.

² Относительно истории возникновения рельефа и надписей Бехистунского памятника см. ниже, стр. 33—48. Здесь же укажу лишь на то, что вавилонская версия была составлена, очевидно, несколько позже, нежели основная персидская надпись, так как только здесь были указаны потери, понесенные мятежниками. Последние были отмечены и в арамейском переводе Бехистунской надписи, сохранившейся в архиве иудейского гарнизона крепости на Элефантине (см. И. И. Волков, Арамейские документы..., М., 1915, стр. 58). Повидимому, вавилонская версия одновременно редакции надписи, составленной с целью «разослать ее во все страны», см. § 70 Бехистунской надписи.

³ В. В. Струве, ИАН ОИФ, 1946, № 3.

⁴ См. R. G. Kent, Darius' Behistan Inscription, Column V, JNES, II (1943), стр. 105—114. Критику положений автора этой работы см. ниже.

определенное восстановление его. Однако восстановление начала V столбца на современном уровне наших знаний стало вполне возможным. Неудача была обусловлена тем, что исследование до сих пор велось без учета всего комплекса аргументов, которые могли бы подкрепить восстановление фрагментированных второй и третьей строк V столбца, принималась во внимание лишь часть из них. При восстановлении полуразрушенного исторического текста необходимо привлечь и эпиграфику, и палеографию, и филологию, и историю, и, наконец, историю создания самого памятника. Приступая к решению задачи восстановления второй и третьей строк V столбца Бехистунской надписи, следует уяснить в первую очередь те эпиграфические и палеографические предпосылки, которые дает состояние самой надписи¹.

Первую также полуразрушенную строку можно легко восстановить, так как она содержит обычную вводную формулу нового самостоятельного отрезка в древнеперсидских царских надписях: «Говорит Дарий царь». Для установления датировки подавления третьего эламского мятежа и похода Дария на саков-массагетов наиболее важно восстановление второй и третьей строки V столбца, содержащих, по мнению почти всех исследователей, указание на год или даже годы царствования Дария, в течение которых совершились указанные события.

Ниже дается точная транскрипция² клинописной автографии двух указанных строк V столбца надписи по изданию Кинга и Томпсона. Двоеточием заменен словоразделитель древнеперсидских надписей, а каждая точка, приведенная в транскрипции, соответствуетциальному разрушенному клинописному знаку.

- (2) i ma : ta...ma : a'ka u'.... ta i ya : a ..³
 (3) ma ča :⁴ ḡa ga da ma:⁵

Большинство слов в лакунах было восстановлено уже Кингом и Томпсоном, и текст второй и третьей строк V столбца в их издании принял следующий вид:

- (2) ima : t(ya : ada)m : aku(navam:) tiy : a..
 (3) mča :(.....:) ḡardam:

Перевод восстановленного текста гласит:

- (2) Это т[о, что] я сде[лал].[..]
 (3)[.....] году

Все исследователи согласны видеть в тех словах, которые остались невосстановленными в издании Кинга и Томпсона, определение даты событий, описываемых в последующих строках. Вместе с тем каждый из исследователей, изучавших текст V столбца Бехистунской надписи, дает иное восстановление разрушенных или полуразрушенных слов и, таким

¹ См. издание L. W. King, R. C. Thompson, The sculptures and inscriptions of Darius the Great in the rock of Behistun in Persia, L., 1907, стр. 78—79. Первое издание надписи дано Раулином в JRAS, X (1846).

² Я придерживаюсь транскрипции, избегающей диакритических значков.

³ Кинг и Томпсон замечают, что в конце второй строки остается место для двух знаков.

⁴ По поводу этой лакуны Кинг и Томпсон замечают следующее: «Там имеется место в лакуне примерно для пяти знаков; остатки (traces) первого, возможно, остатки знака (ঠga), или (ra)». Надлежит отметить, что словоразделитель, стоявший в конце лакуны (непосредственно после лакуны начинается новое слово), Кингом и Томпсоном не был включен в число этих пяти знаков.

⁵ Здесь снова начинается лакуна, по дальнейший текст столбца нас в данном исследовании не интересует.

образом, иную дату как для третьего восстания эламитян, так и для похода Дария в Среднюю Азию.

Первым исследователем, который сделал обоснованную попытку восстановить разрушенную датировку, содержащуюся во второй и третьей строках V столбца Бехистунской надписи, был иранист Тольман¹. Его восстановление, а также следующее за ним по времени восстановление Вейсбаха приводятся ниже в сопоставлении с текстом второй и третьей строк, данным Кингом и Томпсоном. Текст, как установленный так и восстановленный Кингом и Томпсоном, дается в слитной транскрипции, а восстановления Тольмана и большинства последующих исследователей даны в транскрипции, отмечающей раздельно каждый клинониский знак. В первой строке дается текст по изданию Кинга и Томпсона, во второй — текст, предложенный Тольманом:

- (2) *ima : t(ya : ada)m : aku(navam..) tiy : a ..*
ima : t(ya : ada)m : aku(navam du-vi-) tiy-a(-ma : ϑa-ra-da)
(3) *mca : (....:) ϑardam:*
mca : ϑ/ra (-i-ta-i-i-ya-a-ma:) ϑardamc(a:)

Тольман усмотрел в частице «са», установленной им и в начале и восстановленной в середине 3-ей строки, усеченную форму союза-«са», который переводится по-русски либо (в тех случаях, когда он встречается один раз) как «и», либо (если он встречается дважды в одной фразе) — «как ... так и». Тольман в конечном итоге пришел к выводу, что события, изложенные в V столбце Бехистунской надписи, датируются «как вторым, так и третьим годом» правления царя Дария, т. е. 520 и 519 гг. до н. э.

Восстановление, предложенное Тольманом, было одобрено некоторыми исследователями². Тем не менее последнее не выдерживает никакой критики ни с точки зрения эпиграфической, ни с точки зрения палеографической. Восстанавливая слово (*duvi*)*tiyā(m)*, Тольман пренебрегает словоразделителем, отмеченным Кингом и Томпсоном между *tiy* и *a*, для чего ему пришлось прибегнуть к помощи недопустимых палеографических ухищрений. Лакуну же конца 2-ой строки он заполняет не двумя знаками, возможность которых допускают Кинг и Томпсон, а пятью, что невозможно с эпиграфической точки зрения. Весьма мало приемлемо с той же точки зрения и восстановление, предложенное Тольманом в начале 3-й строки. Издатели надписи Кинг и Томпсон указывали, что здесь в разрушенном тексте могло быть только шесть клинониских знаков, но Тольман, восстанавливая слово *ϑritiyām*, включает в эту лакуну восемь клинониских знаков. В строке 3-ей Тольман допускает произвольное чтение *ϑardamc*, в то время как издатели ясно видели здесь слово *ϑardam*, а спутать в палео-

¹ H. C. T o l m a n , *Cuneiform Supplement (autographed) to the author's Ancient-Persian Lexicon a. Texts (The Vanderbilt Oriental Series, т. 7)*, Nashville, 1910, стр. 39. Он исправил не в достаточной степени обоснованное восстановление датировки V столбца Бехистунской надписи, предложенное F. H. W e i s s b a c h и W. B a n g . Die altpersischen Keilinschriften, вып. 2, Lpz., 1908, стр. XIII—XIV и A. H o f f m a n , K u t s c h k e , Die altpersischen Keilinschriften des Grosskönigs Dārājavāusch des Ersten bei Behistun, Stuttgart — Berlin, 1909, стр. 16—17 и 29—30. Что же касается восстановления, предложенного Вейсбахом в 1908 г. (ZDMG, LXII, стр. 641), то оно совпадает с тем восстановлением, которое он дает в своем основном труде 1911 г., посвященном изданию всех доступных тогда древнеперсидских надписей; см. о нем ниже.

² Это было обусловлено отчасти тем обстоятельством, что W e i s s b a c h — B a n g и H o f f m a n - K u t s c h k e в своих работах, процитированных в предшествующем примечании, также восстановили в 3-й строке *ϑritiyām*, т. е. «в третьем (году)». Правда, они, забыв, что слово *ϑard* «год» женского рода, восстанавливали не *ϑritiyām*, а *ϑritiyām*. Их ошибку исправил Тольман. В настоящее время к восстановлению Тольмана присоединился G. K e n t (JAOS, LVIII, 1938, стр. 675).

графическом отношении словоразделитель со знаком «са» издали, конечно, не могли.

Все перечисленные палеографические и эпиграфические затруднения, вставшие на пути признания восстановлений Тольмана, настолько серьезны, что несостоятельность последних совершенно очевидна. Поэтому нет нужды рассматривать сейчас те затруднения, которые возникают перед восстановлениями Тольмана в связи с историей создания рельефов и надписей Бехистунской скалы (см. об этом ниже).

Восстановление, предложенное Вейсбахом¹, существенно отличается от восстановления Тольмана:

- (2) *ima : t(ya : ada)m aku(navam:.) tiy : a ..*
ima : t(ya : ada)m aku(navam : pa)tiy : tu(-ra-i-ya-a)
- (3) *mca : (....:) ϑardam:*
mca : (pa-ca-ma-a-ma:) ϑardam:

Согласно восстановлению Вейсбаха, Дарий заявил: «Это (то), что я сделал в четвертом и пятом году», т. е. в 518 и 517 гг. до н. э.². Эта датировка была принята рядом историков, да и сам Вейсбах в 1940 г. вновь настаивал на правильности ее (см. об этом ниже); однако ряд моментов вызывает сомнение в закономерности предложенного им восстановления. Так, например, в восстановленном им слове (*ra)tiy* Вейсбах видит предлог «в», указывающий на время. Но слово *ratiy* в значении предлога всегда следует за именем существительным, т. е. является послелогом (например, Бех., II, 61—62 *māhyā : jīyāmnam : patiy* «в конце месяца»)³. В тексте же, восстановленном Вейсбахом, слово *ratiy* предшествует имени существительному, и поэтому здесь его следует переводить как наречие «опять» (см., например, Бех., II, 37—38 *ratiy : duvitiyam : hamīdriya : hagmatā* «опять во второй (раз) мятежники собрались»)⁴. Правда, Вейсбах мог бы избегнуть этого филологического затруднения, изменив соответствующим образом перевод восстановленных им строк надписи: «Это [то], что я сделал опять в четвертом и в пятом году»⁵. Но зато избежнуть затруднения эпиграфического характера уже совершенно невозможно; оно настолько серьезно, что лишает предложенное Вейсбахом восстановление права на существование: при восстановлении в конце 2-ой строки V столбца слова *tu-(ga-i-ya-a)* «четвертый» Вейсбах был вынужден заменить знак а, прочитанный издателями без каких-либо колебаний, знаком ҭи, который графически почти ничего общего со знаком а не имеет. Кроме того, Вейсбах, чтобы получить требуемое слово *turiyā* «четвертый», вынужден был заполнить лакуну конца 2-ой строки не двумя знаками, предусмотренными Кингом и Томпсоном, а четырьмя знаками: *tu-(ri-i-ya-a)*. Такое удвоение числа знаков вряд ли допустимо по размерам лакуны.

¹ Как указано выше (стр. 29), Вейсбах предложил и пытался обосновать это восстановление, столь резко отличавшееся от восстановления Тольмана, уже в 1908 г., но оно стало широко известным только в 1911 г., когда он его повторил в своем труде «Die Keilinschriften der Achämeniden» (стр. 72).

² Ср. перевод Вейсбаха, ук. соч., стр. 73.

³ Если в выражении *hamāhyā : ϑarda* «в одном и том же году», встречающемся в Бехистунской надписи пять раз (стб. IV, 4—5, 41, 45, 52 и 60), стоит не винительный, а родительный падеж, то это обусловлено, очевидно, тем, что здесь подчеркивается не столько датировка событий, сколько их длительность: в течение одного и того же года.

⁴ См. также Бех., II, 43, 57; III, 64, 77.

⁵ При таком переводе Вейсбах мог пренебречь указанием на то, что предлог *patiy* должен был бы стоять не только перед «четвертым», но и перед «пятым» годом.

Указанные палеографические и эпиграфические затруднения¹ представляются непреодолимыми, и поэтому они сводят на нет все восстановление, предложенное Вейсбахом, хотя заполнение им лакуны начала 3-й строки является безупречным с точки зрения как палеографии, так и эпиграфики. Действительно, в (ра-са-та-а-та:) «пятый» первый знак готовы допустить на основании сохранившихся следов и Кинг и Томпсон, а число восстановленных знаков в точности соответствует тому числу знаков (6 знаков), которые считали возможным допустить издатели надписи. Безупречность восстановления 3-й строки в отношении палеографии и привела, повидимому, к тому, что в течение 20 лет предложенное Вейсбахом восстановление строк 2—3 V столбца Бехистунской надписи не подвергалось какой-либо критике. Первые критические замечания стали высказываться лишь в 1938 г. Австрийский иранист и эламитолог Кениг начал критику реконструкции текста, предложенной Вейсбахом, с указания на абсолютную недопустимость замены в конце второй строки буквы а, которую, как было указано выше, Кинг и Томпсон отметили в своей копии без каких-либо оговорок². Поэтому он решительно отверг восстановление Вейсбахом конца 2-й строки *tu(riyā)*, заменившее сохранившуюся на камне букву а слоговым знаком *tu*. Кениг вместе с тем не сомневается, подобно своим предшественникам, в том, что это полуразрушенное слово, начинающееся с буквы а, является именем числительным, и предполагает, что здесь нужно восстановить числительное *aštā*, «восемь», так как только оно из всех возможных в данном конкретном контексте иранских числительных начинается на а. Согласно контексту, надлежит ожидать здесь конструкцию с винительным падежом, и потому первый знак 3-й строки та должен быть интерпретирован как показатель винительного падежа, и все полуразрушенное слово конца II и начала III строк он восстанавливает в виде а(-ša-ta-a)-ма, т. е. *aštām* «[в] восьмой [год]». С точки зрения эпиграфической такое восстановление возможно. Правда, как мы выше видели, Кинг и Томпсон допускали в лакуне конца 2-й строки наличие лишь двух знаков, но в конце строки могло иметь место некоторое уплотнение знаков, дававшее возможность увеличения их количества до трех. Надо учесть и то, что количество знаков в отдельных строках V столбца Бехистунской надписи колебалось между 31 и 37³. Поэтому Кениг и считал себя вправе считать это свое восстановление вполне надежным основанием для дальнейшего восстановления всей датировки V столбца надписи. Что же касается знака са, стоящего в начале 3-й строки между та и словоразделителем, то Кениг решил, что он соответствует союзу са «и», который соединяет *aštām* с последующим числительным.

Кениг отказался от предположения Вейсбаха, согласно которому указанный союз соединяет восстановленное им числительное с другим числительным, непосредственно следующим за первым в порядке счета, т. е. в данном случае «восьмой и девятый». Свой отказ он аргументировал указанием на недопустимость в древнеперсидском языке построения номинального предложения «в восьмом и девятом году». По его мнению, оно должно

¹ Я не останавливаюсь на грамматических затруднениях, которые, по мнению некоторых исследователей, встают перед восстановлением, предложенным Вейсбахом. Указывалось на то, что са «и» должно быть поставлено двукратно, как в восстановлении, предложенном Тольманом (см. выше). По мнению других, са «и» может быть поставлено и один раз.

² F. K ö p i g, Relief u. Inschrift des Koenigs Dareios I am Felsen von Bagistan, Leiden, 1938, стр. 33—35.

³ ZDMG, XCIII (1939), стр. 367.

было быть построено таким образом: «в восьмом году и в девятом году»¹. Поэтому Кениг поставил себя перед необходимостью предположить, что союз са соединяет предшествующее «восьмой» с последующим десятеричным числом. Из трех возможных числительных такого рода — «10», «20» и «30» — последнее отпадает вследствие хронологических соображений, так как Дарий I правил всего лишь 36 лет. Первое, а именно «десятый», отпадало по филологическим соображениям, так как в иранских языках и в санскрите союз са применяется только начиная с «20». На основании всех только что приведенных соображений для Кенига оставалась лишь одна возможность восстановления почти разрушенного имени числительного в начале 3-ей строки, а именно как *visam* «двадцатый». Правда, для осуществления этого восстановления ему пришлось до известной степени отказаться от провозглашенного им же самим принципа следовать с максимальной точностью всем тем палеографическим и эпиграфическим установлениям, которые были сделаны в результате последней проверки чтения Бехистунской надписи. Действительно, предлагая свое восстановление, Кениг должен был допустить, что Кинг и Томпсон ошибались, когда они утверждали, что следы первого знака почти разрушенного слова начала 3-ей строки являются, возможно, следами знаков $\emptyset/\text{га}$ ² или *ra*. Предложенный Кенигом знак *vi* издатели не отмечают, поскольку они, очевидно, не находили в верхней части этого полуразрушенного знака намека на наличие вертикального знака. Но Кениг решил не считаться с этим эпиграфическим затруднением, поскольку он был убежден в бесспорности тех своих предпосылок, которые требовали от него в начале 3-ей строки восстановления *visām*, независимо от сохранившихся следов этого полуразрушенного знака. Кениг сам был настолько уверен в бесспорности своего восстановления конца 2-ой и начала 3-ей строки, что объявил «чтение *aštāmcā visām* не только „возможным“, или „может быть, остроумным предположением“, но и „верным (sicher)“». Тем не менее бесспорно остроумное восстановление Кенига встречает на пути своего признания ряд затруднений, некоторые из которых, по моему мнению, являются непреодолимыми. Первое затруднение создается вышеуказанной заменой знаков *ra*, или $\emptyset/\text{га}$, предусмотренных в качестве возможного чтения Кингом и Томпсоном, знаком *vi*, существенно отличным, как мы видели, от знаков *ra* и $\emptyset/\text{га}$. Второй аргумент против восстановления, предложенного Кенигом, обусловлен тем обстоятельством, что это восстановление требует допущения связи слова *aštām* «восьмой» союзом са со словом *visām* «двадцатый». Такое соединение не отвечает, как мне кажется, нормам грамматики. Правда, в дошедших до нас древнеперсидских надписях примеры двухзначного порядкового числительного не встречаются, но в близком древнеперсидскому языку санскрите примеры таких числительных есть; здесь связь единицы с десятками в порядковых числительных

¹ F. K ö n i g, ук. соч., стр. 33. Вейсбах, правда, в 1940 г. (ZA, XLVI, стр. 60) отводит это возражение Кенига указанием на то, что оно не подкреплено никакими примерами. Я не буду углубляться в полемику по этому вопросу, так как восстановления и Вейсбаха (см. выше) и Кенига (см. ниже) не могут быть приняты уже по ряду других соображений.

² Остается совсем непонятным утверждение Кенига (ук. соч., стр. 34), что Кинг и Томпсон видели в первом разрушенном знаке 3-ей строки следы знака *da*; оба названные ученые со всей определенностью указывали наряду с *ra* на знак $\emptyset/\text{га}$. Утверждение же Кинга и Томпсона о возможности отожествления полуразрушенного знака с *ra* или $\emptyset/\text{га}$ доказывает, что они видели в верхней части интересующего знака несколько, а не один горизонтальный клин. Поэтому предположение Кенига об отожествлении полуразрушенного знака со знаком *vi*, имеющим в своей верхней части лишь один горизонтальный клин, становится очень мало вероятным.

осуществляется без помощи союза¹. Конечно, решающего значения этот филологический аргумент сам по себе иметь не может, поскольку древне-персидский язык мог иметь в данном отношении свое отличие от закономерностей санскрита². Решающий аргумент против восстановления, предложенного Кенигом для разрушенных знаков конца 2-ой и начала 3-ей строки V столбца Бехистунской надписи, дает анализ истории создания рельефов и надписей этого памятника, а также истории событий правления Дария I.

Принимая предложенное австрийским ученым восстановление конца 2-ой и начала 3-ей строки V столбца «в двадцать восьмом году», мы тем самым датируем описанное в столбце восстание в Эламе и поход на саков 28-м годом Дария I, т. е. 493 г. до н. э., а окончательное завершение Бехистунской надписи — 492 г. до н. э. Кениг сам сознает, насколько затруднительно предположить столь длительный отрыв во времени событий первого года царя Дария I, описанных в первых четырех столбцах надписи, от событий, изложенных в ее V столбце³. Он пытается поэтому поэту построить настолько продолжительную и сложную историю создания и завершения рельефов и надписей на Бехистунской скале, что она могла заполнить, по его мнению, те 28—29 лет, которые истекли, как он считает, с момента начала работ над памятником вплоть до его окончательного завершения. Я не буду излагать чрезвычайно сложную теорию Кенига о создании Бехистунских рельефов эпохи Дария I⁴, так как это отвлекло бы меня от основной темы настоящего исследования, тем более, что основные положения Кенига, покоящиеся на одних лишь фотографиях памятника, не подтвердились в результате нового исследования самого памятника⁵. Поэтому и сделанный из них вывод о том, что Бехистунские рельефы и надписи создавались в течение почти 30 лет, не может не вызвать сильнейшего сомнения. Надписи и документы Дария I и Ксеркса о сооружении дворца в Сузах и строительстве в Персеполе показывают, что в этих строительных работах принимали участие большие массы разноплеменных мастеров⁶. При наличии таких неисчерпаемых запасов рабочей силы, доставляемой из завоеванных стран, входивших в состав громадной державы, рельефы и надписи на Бехистунской скале могли быть исполнены в сравнительно короткий срок.

Другим аргументом, опровергающим датировку, предложенную Кенигом, является упоминание в V столбце (строки 7, 9, 11) одного из семи

¹ См. Кнауэр, Учебник санскритского языка, 1902, § 97. Соответствующую справку дал мне и советский санскритовед В. И. Кальянов, за что и приношу ему благодарность.

² Не имеют решающего значения и лингвистические аргументы, которыми пытаются опровергнуть точку зрения Кенига американский иранист Р. Г. Йент в своей рецензии на вышеназванную книгу (JAOS, LVIII, 1938, стр. 676). Не придает большого значения лингвистической аргументации и Вейсбах (ZDMG, XLVI, 1950, стр. 60), несмотря на свое несогласие с восстановлением Кенига.

³ Правда, Кениг (ук. соч., стр. 34) заявляет, что хронология истории создания Бехистунских рельефов была им установлена еще до того, как он пришел к выводу о необходимости восстановления датировки V столбца надписи 28-м годом Дария I. Если дело действительно так обстоит, то Кениг, очевидно, стремился (может быть, и несознательно) при помощи новой датировки V столбца надписи найти веский аргумент в пользу результата своего исследования по истории создания Бехистунских рельефов, отодвинувших поход на саков на столь поздние годы царствования Дария I.

⁴ F. Köpig, ук. соч., стр. 1—32.

⁵ См. W. Hinz, Zur iranischen Altertumskunde, ZDMG, XCIII (1939), стр. 371—372, 378.

⁶ См. В. И. Абаев, Надпись Дария I о сооружении дворца в Сузе, об. «Иранica», 1945, № 3, стр. 127 сл., и В. О. Турин, Документы из сокровищницы Персеполя, ВДИ, 1951, № 3, стр. 21 сл.

З Вестник древней истории № 1

заговорщиков против мага Гауматы, а именно сановника Гаубарузы¹, т. е. геродотовского Гобрии² в качестве военачальника против мятежных эламитян. О возрасте Гобрии мы можем умозаключить из Геродота (VII, 2), который сообщает, что «у Дария еще до его воцарения от дочери Гобрии, первой его жены, было три сына». В таком случае надо полагать, что в 522 г. до н. э., когда Дарий вступил на престол, Гобрию было примерно 40 лет³ и стало быть в 28 году правления Дария I ему было бы около 70 лет. Столь преклонный возраст, пожалуй, был не совсем подходящим для полководца, который должен был руководить военными действиями в горах Элама. В это время Дарий включил в число своих полководцев уже сына Гобрия Мардонаия, как об этом сообщает Геродот (VI, 43): «С наступлением весны 492 г. персидский царь отпустил по домам всех прежних военачальников: только сын Гобрия, Мардоний, человек молодой и лишь недавно женившийся на дочери царя Дария, Артозостре, выступил к морю с огромным сухопутным войском и с большим флотом». Несомненно, что в 492 г. Мардоний был уже известным полководцем, коль скоро и ему в этом году доверили командование над большими военными силами, предназначенными для похода на Афины. Что же касается отца Мардонаия — Гобрия, то последний пребывал в большом почете при дворе царя, который в последние годы своего правления, несомненно, заискивал перед своим тестем, желая привлечь того на свою сторону при решении вопроса о престолонаследии. Согласно свидетельству Геродота, Дарий стремился передать царский престол не Артобазану, старшему своему сыну от дочери Гобрия, но Ксерксу, своему старшему сыну от Атоссы, дочери Кира, «так как Атосса была всемогуща» (Нег., VII, 3). Поэтому вполне понятно, что Дарий пытался всячески примирить Гобрия с потерей внуком его Артобазаном царского престола. Преследуя эту цель, Дарий и назначил сына Гобрия Мардонаия руководителем похода на Афины. Самому же Гобрию, своему соратнику в деле низвержения мага Гауматы и в походе на скифов Причерноморья, он оказывает чрезвычайный почет, приказав изобразить его в числе двенадцати высших сановников в верхнем ярусе рельефной композиции своей накширустемской гробницы⁴; здесь указаны имя и титул Гобрия: «Гаубарува, патейсхорец⁵, Дария царя

¹ Бех., стб. IV, строка 84. Отцом его назван Мардоний.

² Н е г., III, 70. Согласно свидетельству Геродота (III, 73), Гобрий поддержал Дария в его решении убить мага Гаумату. Традиции о Гобрии, сохранившейся у Ктесия (см. Б. А. Тураев, История древнего Востока, II, 1935, стр. 110), я не касаюсь, вследствие ненадежности этого автора.

³ Если можно было бы согласиться с Б. А. Тураевым и допустить тождественность личности упомянутого в хронике Набонида сподвижника Кира Угбару, наместника Гутия, а затем и Вавилона (ук. соч., II, стр. 115) с Гобрием, одним из семи very-much, участников заговора против мага Гауматы (ук. соч., стр. 116 и 128), то Гобрий был бы еще лет на 15 старше. Но в настоящее время отожествление полководца Угбару, современника Кира, с Гобрием, сановником Дария I, вызывает некоторое сомнение. Дело в том, что новое издание хроники Набонида, опубликованное уже после смерти Б. А. Тураева (Sidney Smith, Babylonian historical texts relating to the capture of a. downfall of Babylon, L., 1924, табл. XII, стр. 216 сл.), допускает истолкование текста строки 22 столбца III, правила, под вопросительным знаком, как свидетельство о смерти Угбару после взятия Вавилона. Угбару хроники Набонида пытаются теперь отожествить с вавилонским военачальником последних лет Навуходоносора II — Губару, см., например, САН, IV, стр. 12, прим. 1.

⁴ См. F. H. Weissbach, Die Keilinschriften der Achämeniden, стр. XVII—XVIII.

⁵ Страбон (XV, 3, I) называет среди племен Персиды патейсхорийцев, которых Геродот (I, 125) в своем перечислении персидских племен не упоминает. Из контекста этого места у Страбона видно, что племя патейсхорийцев было оселым; это, вероятно, было седьмое из оседых персидских племен. Геродот (I, 125) перечисляет лишь шесть оседых персидских племен, но это, очевидно, ошибка, так как число знатнейших персов вместе с Дарием составляло семь. Включая в число персид-

копьеносец»¹. Наряду с Гобрием удостоился этой высокой чести еще знатный вельможа Аспачана², о котором сказано: «Аспачана, секиры носитель, Дария царя колчан он держит»³.

Почет, оказанный Гаубаруве//Гобрию и Аспачане во второй половине царствования Дария, когда, очевидно, были созданы рельефы и надписи у гробницы царя в Накширустемской скале, не был оказан ни одному из царских сановников на рельефе Бехистунской скалы. Действительно, две фигуры сановников, изображенных здесь вслед за фигурой царя, остались анонимными. Очевидно, тогда еще ни один из сановников, по мнению Дария, не был достоин такого чрезвычайного почета. Вопрос о престолонаследии тогда еще не стоял на очереди. Отсутствие соответствующих надписей над фигурами обоих сановников на Бехистунском рельефе показывает, таким образом, что Бехистунский памятник был завершен уже в первой половине царствования Дария, а не в конце его, как полагает Кениг на основании восстановленной им датировке V столбца надписи⁴.

Последний аргумент, опровергающий предложенную Кенигом датировку похода Дария на саков, засвидетельствованного в V столбце Бехистунской надписи, поконится на истории войн этого царя, которая нашла свое отражение в Накширустемской надписи. Дело в том, что в названной надписи имеется один из наиболее полных списков народов, входивших в состав персидской державы, причем последние семь из этих народов перечислены, как я полагаю, в том порядке, в котором они были покорены Дарием⁵. Первым из указанных семи народов названы «саки, которые за морем», т. е. саки-массагеты, пребывавшие к востоку от Аральского моря. Против них и был направлен поход Дария, описанный в интересующем нас столбце V Бехистунской надписи⁶. Вслед за «саками, которые за морем», перечисляются «скудра», т. е. фракийцы, и «ионийцы, щит носящие», т. е. греки европейского материка. Те и другие были покорены после похода на скифов Причерноморья⁷, т. е. в 512 г. до н. э. Стало быть, соглашаясь с моей интерпретацией Накширустемского списка побежденных народов, следует отвергнуть дату 28 год (493 г. до н. э.), восстановленную Кенигом в начале V столбца, коль скоро события, изложенные

сих оседлых племен патейсхорийцев, мы получаем семь племен, соответствующих семи знатнейшим персам, которые были главами этих племен.

¹ Это так называемая Накширустемская надпись.

² Аспачана соответствует Аспафину Геродота (III, 70), причислившего его к тем знатнейшим персам, которые участвовали в заговоре против мага Гауматы. В списке семи заговорщиков Бехистунской надписи (стб. IV, стк. 83—86) Аспафин отсутствует. Его заменяет здесь Ардуманиш, сын Вахаука. В последующее время слава вельможи Аспачаны стала настолько громкой, что в традиции, сохранившейся в V в. до н. э., имя его заменило в списке семи заговорщиков имя Ардуманиша.

³ Накширустемская надпись д. Другие 10 фигур сановников в верхнем ярусе Накширустемской рельефной композиции остались без соответствующих надписей, поскольку концепция деспотической власти царя, созданная Дарием, допускала лишь в самом крайнем случае упоминание на царском памятнике имени кого-либо другого, кроме имени самого царя-деспота.

⁴ Кениг (ук. соч., стр. 19—20) видит в отсутствии надписей над изображением обоих сановников Бехистунского рельефа доказательство того, что работа над Бехистунским памятником не была завершена даже в течение всего 36-летнего царствования Дария I. Он, очевидно, совсем не учитывает те ограничения, которые создает концепция о деспотической власти царя по отношению к содержанию надписей, вырезываемых на царских памятниках.

⁵ См. В. В. Струве, Дарий I и скифы Причерноморья, ВДИ, 1949, № 4, стр. 23—24.

⁶ См. В. В. Струве, Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН ОИФ, III, № 3 (1946), стр. 231 сл.

⁷ Дату похода Дария I на скифов Причерноморья я пытаюсь установить в другом исследовании.

в названном столбце Бехистунской надписи, должны быть датированы годом, предшествующим 512 г. до н. э.¹.

Этот последний аргумент представляется самым решающим для опровержения датировки событий, описанных в V столбце, 493 г. до н. э. Для исследователя же, не согласного с моей интерпретацией конца Накширустемского списка покоренных народов, остается в силе вся прочая обстоятельная аргументация как эпиграфического и филологического, так и исторического характера, которую я привел, чтобы доказать полную неприемлемость восстановленной Кенигом даты V столбца Бехистунской надписи. Я остановился столь подробно на опровержении остроумного, но не убедительного восстановления Кенигом конца 2-ой и начала 3-ей строки V столбца, поскольку и в нашей советской науке некоторые исследователи датируют поход Дария на саков-массагетов 493 г. до н. э., основываясь на восстановлении, предложенном Кенигом².

Независимо от Кенига, новое решение вопроса о дате V столбца Бехистунской надписи дал А. Пебель³, который считал для себя неприемлемым восстановление датировки, предложенное Вейсбахом: «в четвертом и пятом году». На один из моментов, который, по мнению Пебеля, затрудняет признание восстановления Вейсбаха, я также уже указал (см. выше, стр. 30), а именно на момент, связанный с восстановленным словом (*ra*)tiy. Другое затруднение Пебель видит в том, что при датировке, вытекающей из восстановления Вейсбаха, остается непонятным, почему же Дарий I не упомянул в Бехистунской надписи своих подвигов второго и третьего годов правления. Поэтому Пебель предложил следующее восстановление рассматриваемого места надписи: (*ra*)tiy : a(niya)mca : ϑ/r (itiyamcā :) ϑardam «опять во второй (букв. другой) и третий год».

Оценивая восстановление, предложенное Пебелем, приходится, однако, признать, что оно является скорее шагом назад по сравнению с восстановлением Вейсбаха. Уже при самом беглом анализе госстановления бросается в глаза грубая грамматическая ошибка, а именно забвение того, что слово ϑard «год» женского рода; поэтому Пебель в конечном слоге обоих числительных восстанавливает краткое а, а не долгое, как того требует грамматика. Но если исправить эту грамматическую ошибку Пебеля, то для его восстановления возникают затруднения эпиграфического характера, так как в таком случае пришлось бы поместить в лакуне конца 2-ой строки четыре клинописных знака, а в лакуне начала 3-ей строки — восемь клинописных знаков вместо пяти, наличие которых допускает имеющееся пространство. Самое же непреодолимое препятствие для признания восстановления Пебеля создает соображение, связанное с фактом уничтожения первого столбца эламской версии изложения событий первого года правления Дария I. Он был уничтожен, как я уже выше указал (стр. 27), чтобы поместить на освободившемся пространстве изображение

¹ Правда, и Вейсбах (ZA, XLVI, стр. 77) пытается опровергнуть точку зрения Кенига указанием на невозможность датировки похода Дария на саков 493 г. до н. э., но аргументация, приведенная им, не является убедительной. Вейсбах отожествляет саков, против которых был направлен описанный в V столбце поход Дария I, с теми саками, которые отпали от персидского царя немедленно после вступления его на престол, т. е. в конце 522 г. до н. э. Исходя из этого отожествления, Вейсбах и заявляет о «психологической невозможности» для Дария оставить мятежников безнаказанными в течение 28 лет. Но следует указать, что саки V столбца не были мятежниками, так как они еще не были покорены, и поэтому вождь их Скунха не был назван Дарием мятежником.

² К. В. Тревер и А. Ю. Якубовский, История народов Узбекистана, т. I, под ред. С. И. Толстова, Ташкент, 1950.

³ A. Poebel, Chronology of Darius First year of reign, AJSI, LV (1938), стр. 293—294.

вождя саков Скунхи, а эламская версия была затем заново вырезана налево от древнеперсидского текста, после того как четыре столбца его были пополнены пятым столбцом. Всего этого не понадобилось бы делать, если бы события, описанные в V столбце, имели место уже в третьем году правления Дария, когда, конечно, еще не могла быть завершена основная часть рельефной композиции Бехистунской скалы. Это соображение, которое, по моему мнению, лишает восстановление Пебеля права на существование, имеет в еще большей степени действенную силу по отношению к двум вариантам восстановления датировки V столбца, предложенным Пебелем. Пебель отказывается видеть в полуразрушенном слове конца 2-ой строки имя числительное¹, а в полуразрушенном имени числительном начала 3-ей строки он видит «второй» d(uvitiyam) и определяет, таким образом, датировку V столбца вторым годом правления Дария. Но такая датировка, как было показано, невозможна с исторической точки зрения, не говоря уже о том, что восстановление d(uvitiyam) «второй» должно быть полностью отвергнуто из соображений палеографии. Неприемлемость данного восстановления Пебеля с палеографической точки зрения станет очевидной, если мы заменим слитную транскрипцию восстановленного им слова раздельной, как этого требует филологическая методика. Тогда восстановленное слово d(uvitiyam) будет иметь следующий вид: du-(vi-ta-i-ya-a-ma). Стало быть, первым клинописным знаком является знак du, графически резко отличающийся от знаков ra или ғ/ga, с одним из которых, как мы видели выше, Кинг и Томпсон готовы были отождествить этот полуразрушенный знак начала 3-ей строки V столбца Бехистунской надписи. Таким образом, два последних восстановления, предложенные Пебелем, являются определенным шагом назад по сравнению с вышеприведенным восстановлением Тольмана. Что же касается первого восстановления Пебеля, которое по существу совпадает с восстановлением Тольмана, то и оно, как я пытался доказать, не выдерживает критики ни со стороны филологии, ни со стороны истории.

Не выдерживает критики восстановление датировки V столбца и у другого американского ученого-ираниста — Р. Г. Кента, который предложил ее в 1938 г. в своей рецензии на работу Кенига, посвященную интерпретации Бехистунского памятника². Отвергнув на основании лингвистической аргументации восстановление датировки, предложенное Кенигом, Кент заявляет, что восстановление, которое дал Тольман, ему кажется наиболее вероятным. Говоря о восстановлении Тольмана, я указал уже (стр. 29) на те палеографические и эпиграфические затруднения, которые препятствуют его признанию. Что же касается самого основного препятствия для признания датировки Тольмана, которую принимает Кент, то о нем уже говорилось выше в связи с оценкой восстановления, предложенного Пебелем. Датировка последнего по существу совпадает с датировкой Тольмана, поскольку и тот и другой датируют текст V столбца 2-м и 3-м годом правления Дария. Поэтому и датировка Кента, не подкрепленная каким-нибудь дополнительным веским аргументом³, лишается права на существование вышеприведенным соображением о невозмож-

¹ Все свои восстановления Пебель дает в слитной транскрипции, что свидетельствует о некоторой небрежности его филологической методики. Полностью его второе восстановление имеет следующий вид: (ra)tū : a(nīya)mca : d(uvitiyam :) ғardam «Опять, также [во время] остающейся (части) второго года». Третье, предложенное Пебелем, восстановление отличается от второго лишь в своей первой части: (ra)tū : a(vārpa)mca : d(uvitiyam :) ғardam «опять после этого во втором году».

² Я уже указал выше (стр. 33) на эту работу Р. Г. Кента (*JAO*, LVIII, стр. 675 сл.) и отметил там, что приведенные им лингвистические аргументы против восстановления Кенига не имеют решающего значения.

³ См. ниже о предложении Кента, высказанном позже, в 1943 г.

ности в столь короткий срок, т. е., строго говоря, в год с небольшим, завершить основную часть рельефной композиции Бехистунской скалы, а также первые четыре столбца древнеперсидской надписи и первонаучальную эламскую версию изложения событий 1 года Дария I.

Большее внимание с точки зрения исторической, нежели восстановления Пебеля и Кента, заслуживает восстановление, предложенное в 1939 г. В. Гинцем¹. Последний признал безупречность восстановления Вейсбахом начала 3-ей строки V столбца «пятый» и подвергнул критике лишь его восстановление конца 2-ой строки. Отказавшись здесь от восстановления Вейсбаха «в четвертый», он предложил восстановление a(vā) «тот». В са начала 3-ей строки, интерпретированном до этого как неполно написанное са «и», Гинц видит энклитическую частицу *sīu*, написанную в виде са также и в строке 42-ой надписи Нескса о дэвах. Таким образом, он получил следующее восстановление датировки V столбца Бехистунской надписи: (pa)tiy : a(vā)mca : pa(samām :) 9ardam «в² т(от) же пятый год».

Со стороны палеографии и эпиграфики восстановление В. Гинца является безуспоренным. Не вызывает оно сомнений и с точки зрения истории сооружения Бехистунского памятника. В течение 3 года правления Дария основная часть рельефной композиции надписей скалы могла быть уже завершена, и поэтому для увековечения событий 5 года потребовалось уже уничтожение части эламской надписи (см. выше, стр. 27). Но Гинц не учел затруднение исторического характера. Он совсем не принял во внимание той исторической обстановки, которая имелась налицо в первые годы Дария I. Об этих событиях и выводах, вытекающих из них, я буду говорить ниже в связи с восстановлением датировки V столбца, предложенным в 1943 г. Кентом, который учел историческую обстановку, но не сумел сделать из нее, как я полагаю, правильного вывода. Здесь же я остановлюсь на одном филологическом затруднении грамматического характера, которое настоятельно требует, по моему мнению, некоторого исправления текста датировки, восстановленного Гинцем. Я имею в виду его восстановление конца 2-ой строки: a vā «тот». Это — указательное местоимение, определяющее или имя существительное, которое упоминается уже в предшествующем тексте, или же единственное в своем роде слова, как небо или земля. Примером определения с помощью ава имени существительного, уже упомянутого в предшествующем контексте, может служить следующее предложение, которое мы находим в строках 28—30 столбца I: «Камбис именем, Кира сын, из нашего рода, он здесь царем был. У того (avahyā) Камбиса брат Бардия именем был, от той же матери, от того же отца, что и Камбис». Подобных примеров употребления слова «ава» «тот» можно привести очень много³. Единственный пример определения при помощи ава «тот» имени существительного, не упоминавшегося в предшествующем контексте, я нахожу в Бехистунской надписи, VI, 54—59, в тексте передачи приказа восставшего в Персии узурпатора Вах'яздаты своему военачальнику пойти походом против сатрапа Арахозии, оставшегося верным Дарию: «Этот Вах'яздата, который Бардией назывался, он войско послал в Арахозию. Вивана по имени, перс, мой раб в Арахозии сатрапом (был). Против него (он послал) и над ними мужа (одного) величайшим сделал. Он так им сказал: „Идите! Вивану разбейте и то войско, которое (войском) Дария царя называется“». Если подойти с формальной

¹ W. Hinz, Zur iranischen Altertumskunde, ZDMG, XCIII (1939), стр. 370.

² patiy Гинц, следуя Вейсбаху, толкует, как предлог «в».

³ Бех., I, 36 и 49; I, 74 и 76; I, 77 и 80; II, 4—5, 12, 17, 20 (два раза), 25, 35, 40—41, 46 и т. д.

точки зрения к настоящему тексту, то можно, казалось бы, сделать вывод, что войско Виваны в предшествующем изложении не упоминается, и поэтому приведенный текст может служить примером, противоречащим вышеустановленному правилу использования указательного местоимения *ava* «тот». Но это противоречие является лишь кажущимся, поскольку для современника Дария, читавшего эти строки Бехистунской надписи, упоминание войска Виваны подразумевалось в той фразе, где указано, что Вивана был сатрапом; каждый сатрап в то время имел свое войско¹. Поэтому составитель надписи мог вложить в уста узурпатора Вах'яздаты приказ, в котором войско сатрапа Арахозии Виваны было определено указательным местоимением *ава* «тот».

Указательное местоимение *ава* «тот», как и любое другое указательное местоимение, могло служить определением имени существительного, которое не упоминалось в предшествующем контексте лишь в том случае, если это были такие понятия, как земля или небо. Так, например, в начале Накширустемской надписи *a* (стк. 1—3) говорится: «Бог великий Аурамазда, который эту (*imām*) землю создал, который то (*avam*) небо создал»²; земля и небо исчерпывали собой весь окружающий человека мир. Поэтому в любом контексте можно было более близкую землю называть «этой землей», а более далекое небо «тем небом». Но определение даты «пятый год» указательным местоимением *ава* «тот» свидетельствовало бы с несомненностью об упоминании данного «пятого года» в каком-нибудь предшествующем тексте. Однако мы не имеем другого текста среди надписей Бехистунской скалы, который упоминал бы этот «пятый год». Мало того, мы находим в тексте V столбца прямое указание на то, что изложение событий, описанных в этом столбце, рассматривалось его составителем как нечто самостоятельное, не связанное с текстом предшествующих четырех столбцов Бехистунской надписи. Об этом свидетельствует тот факт, что Элам, неоднократно упоминаемый в изложении событий первого года Дария, вводится в текст V столбца (стк. 4—5) в качестве впервые упоминаемой страны: «Элам по имени, страна мятежной стала». Таким образом в текст древнеперсидских надписей вводятся страны, города и лица, которые раньше не упоминались в их изложении. Примеры подобного рода мы находим в достаточном количестве в первых четырех столбцах Бехистунской надписи: «Атияра по имени, страна в Армении» (II, 58—59), или «Кундуруш по имени, город» (II, 65—66), или «Видарна по имени, перс, мой раб» (II, 19). В текст изложения V столбца введен также в качестве впервые упоминаемого лица и вельможа Гобрий, хотя он уже был назван в VI столбце в списке шести соучастников при убийстве мага Гауматы³: «Гаубарува по имени, перс, мой раб» (V, 7—8). Стало быть, составитель текста V столбца подчеркивал в своем изложении отсутствие связи с предшествующими столбцами Бехистунской надписи, и поэтому мы должны признать недопустимость восстановления полуразрушенного слова конца 2-ой строки V столбца как *ава* «тот».

Таким образом, в результате установления синтаксической значимости местоимения *ава* «тот» и стилистической особенности изложения в V столбце надписи мы приходим к выводу о необходимости несколько исправить первую часть восстановления, предложенного Гинцем. Что же

¹ Об этом свидетельствует приказ Дария (Bex., III, 13—15) сатрапу Бактрии подавить восстание в Маргиане: «Я послал к Дадаршишу по имени, персу, моему рабу, в Бактрию сатрапу. Так я ему сказал: Иди! то войско разбей, которое моим не называется. Затем Дадаршиш с войском отправился в поход».

² Тождественный текст мы находим и в первых двух строках антидэвовской надписи Ксеркса.

³ «Гаубарува по имени, Мардония сын, перс» (IV, 84).

касается второй его части, которая, как мы видели, совпадает с восстановлением Вейсбаха, то он главное свое внимание обратил на то, что восстановление начала 3-ей строки V столбца является безупречным с точки зрения палеографии и эпиграфики. Вопросу же о возможности датировки описанных в V столбце событий 5 годом правления Дария I Гинц, к сожалению, не посвящает исчерпывающего исследования, ограничиваясь попыткой объяснить отсутствие в Бехистунской надписи среди усмиренных Дарием стран Египта¹. Не пытается решить этот вопрос во всем его объеме и Вейсбах в своем исследовании 1940 г., посвященном специально восстановлению V столбца Бехистунской надписи². В этой работе он в результате полемики с изложенным выше исследованиями Кенига, Кента и Гинца приходит к выводу, что его восстановление датировки V столбца, предложенное им 30 лет назад, в «четвертый и пятый год», продолжает сохранять свое право на существование. Эпиграфические и палеографические затруднения, стоявшие, как мы выше видели, на пути признания его восстановления, он считал преодолимыми без достаточного на то основания³. Аргументация Вейсбаха не убедила Гинца, и он поэтому продолжал в своей новой статье 1942 г. настаивать на приемлемости своего восстановления, предложенного им в исследовании 1939 г.: «в том пятом году»⁴.

В 1943 г. Кент выступил с новым восстановлением разбираемого места Бехистунской надписи, отказавшись от точки зрения, высказанной им раньше, в 1938 г.⁵. В новой работе Кент восстанавливает: (ra)tiy : a(va-a)-ma-sa : 耑 / ra(i-ta-a-ma :) 耑ardam «в тот третий год».

Это восстановление является контаминацией восстановления конца 2-ой строки V столбца, предложенного Гинцем, с несколько видоизмененным восстановлением, предложенным самим Кентом в 1938 г.⁶. Видоизменение Кентом своего предшествующего восстановления было обусловлено желанием согласовать его с эпиграфическими данными, указанными Кингом и Томпсоном. Первое его восстановление 耑 / ritiyām :) требовало большего количества клинописных знаков, нежели те пять, которые были предусмотрены для данной лакуны измерениями обоих издателей: 耑 / ra(-ita-i-ya-a-ma :)

В новом восстановлении Кента стоят именно пять знаков, которых и требует данная лакуна. Таким образом, с точки зрения эпиграфической⁷ новое восстановление Кента безукоризненно, но зато оно далеко не безукоризненно со стороны орфографической: порядковое числительное «третий» засвидетельствовано в Бехистунской надписи (II, 43) в виде 耑 / ritiyam⁸ «в третий (раз)», а не 耑 / ritām⁹.

¹ ZDMG, XCIII (1939), стр. 372.

² ZA, XLVI (1940), стр. 53.

³ Любопытно отметить весьма различную оценку Вейсбахом работы Кинга и Томпсона над установлением чтения надписей Бехистунской скалы в рецензии на диссертацию Гофмана-Кучке, посвященную надписям Дария I, в 1909 г., и в его работе 1940 г. В своей рецензии (ZDMG, LXIII, стр. 833) он дает, в противоположность автору рецензируемой книги, весьма высокую оценку труду Кинга и Томпсона. В своей работе 1940 г. (ук. соч., стр. 60) Вейсбах уже допускает наличие ошибок в этом издании, поскольку данные здесь чтения противоречат его восстановлению.

⁴ W. Hinz, Zur Behistun-Inscription des Dareios, ZDMG, XCVI (1942), стр. 335—336.

⁵ JNES, II (1943), стр. 104 сл. К статье приложен полный список всех попыток восстановлений V столбца Бехистунской надписи.

⁶ Говоря точнее, это было восстановление не Кента, а Тольмана.

⁷ Так же и с точки зрения палеографической, поскольку, как мы выше видели (стр. 28), Кинг и Томпсон допускали возможность отожествления первого полуразрушенного знака данной лакуны или со знаком ра или со знаком 耑/a.

⁸ Форма мужского рода.

⁹ Правда, Кент пытается доказать наличие формы 耑/titam в древнеперсидском

Кент, конечно, не мог не сознавать порочность своего восстановления с точки зрения филологической, и поэтому он пытался свою датировку событий, изложенных в V столбце Бехистунской надписи, подкрепить исторической аргументацией (ук. соч., стр. 110). Таковую он нашел в том факте, что в 4 году своего правления Дарий I послал своему сатрапу в Египте приказ собрать древние законы страны¹. Стало быть, в 4 г. Дария долина Нила, несомненно, входила в состав державы Ахеменидов. Из этого факта, а также из свидетельства Бехистунской надписи (II, 7), об отпадении в конце 522 г. до н. э. и Египта,² Кент умозаключил, что пятый год, предложенный Гинцем для V столбца, является неприемлемым, так как Дарий в таком случае не мог не упомянуть о покорении столь важного для его державы Египта, упомянув о незначительных походах против Элама и саков. Поэтому остается для восстановления одно лишь порядковое числительное «третий», возможность которого, наряду с «пятым», допускали эпиграфические наблюдения Кинга и Томпсона. Отсутствие же упоминания в V столбце покорения Египта было, очевидно, обусловлено тем, что к моменту завоевания долины Нила в конце 3-го года работа над завершением Бехистунского памятника была уже закончена³.

Датировку Кента поддержал Г. Г. Кэмерон⁴, но, пытаясь ее подкрепить, он коснулся, правда, не замечая этого, момента, полностью парализующего ту аргументацию как Кента, так и Гинца, которая покоятся на отсутствии упоминания покорения Египта в Бехистунской надписи. Исходя из положения Кента о том, что в первом году Египет отпал и еще не был покорен, поскольку поход в долину Нила не упоминается в первых четырех столбцах надписи, Кэмерон утверждает, что в списке сатрапий, данном в 14—17 строках I столбца, «не включены Египет, Индия или некоторое число других сатрапий, которые встречаются в других (а поэтому последующих) текстах» (ук. соч., стр. 308а). Любопытно отметить, что Кэмерон при этом ссылается на копию Бехистунского списка сатрапий, приведенную в его статье, посвященной всем спискам сатрапий, засвидетельствованным надписями Ахеменидов. Здесь на шестом месте перечисляется

языке ссылкой на сложное слово *dūvītāparanam* в 10-ой строке I столбца Бехистунской надписи, которое он переводит «один после другого», но эта ссылка мне кажется неубедительной вследствие следующих соображений: 1) интерпретация этого сложного слова еще не вполне установлена (ср. E. L. Jones, *Historical grammar of the ancient Persian language*, N. Y., 1917, § 302, где это сложное слово переводится: «задолго до этого»). Я перевожу это выражение как «двойной ряд», видя в *dūvīta* другое производное от имени числительного «два» — «двойной». Под двойным рядом Дарий подразумевал переплетающиеся между собой ряды старших и младших Ахеменидов; 2) нельзя не учесть также и того обстоятельства, что в сложном слове входящие в его состав слова претерпевают изменения и поэтому сопоставление этих последних с тождественными им словами, но преъбающимися в самостоятельном состоянии, не может быть оправдано.

¹ Это третий из демотических текстов — «текст с», увековеченный на оборотной стороне так называемой «демотической хроники», изданной в 1914 г. W. Spiegelberg, *Demotische Studien*, вып. VII). Более обстоятельно этого документа я коснусь ниже, когда буду решать вопрос о том, почему Дарий не упомянул в Бехистунской надписи о покорении восставшего Египта.

² Название Египта как в персидском тексте, так и в вавилонской версии Бехистунской надписи уничтожено, и оно сохранилось лишь в эламской версии надписи — «Мусария». О тождестве эламского «Мусария» с Египтом см. в другой моей работе.

³ В этом отношении Кент (ук. соч., стр. 109—110) следует за Гинцем, высказавшим эту догадку в своем исследовании 1939 г. Гинц имел, правда, больше оснований высказать подобную догадку, нежели Кент, поскольку последний должен был допустить, следя своей датировке, слишком короткий срок для завершения основной части Бехистунского памятника. См. выше, стр. 44 сл.

⁴ G. G. Cameron, *Darius, Egypt and the lands beyond the sea*, JNES, II (1943), стр. 307 сл.

«Мудрая», т. е. Египет. Тем не менее, Кэмерон высказывает совершенно невероятную точку зрения, что в данный список Египет не включен! Подобная, казалось бы, совсем непонятная ошибка американского исследователя была, очевидно, обусловлена тем, что он был a priori убежден в отсутствии в списке сатрапий Бехистунской надписи сатрапии долины Нила, поскольку в самой надписи не упоминается усмирение восставшего Египта. Если же Бехистунский список сатрапий, включенный в текст I столбца надписи, упоминает, как я указал, и Египет, то тем самым отпадают и все разговоры об усмирении его в третьем или в пятом году правления Дария I, так как описание побед Дария и его полководцев, заполнившее первые четыре столбца, было, очевидно, составлено непосредственно за этими событиями, т. е. в начале второго года царя (см. выше, стр. 33). Стало быть, сатрапии, перечисленные в списке начала I столбца Бехистунской надписи, уже тогда, т. е. в начале второго года, были подчинены Дарию. Перечисленный здесь на шестом месте Египет, конечно, не представлял собой исключения. Ни Кент, ни Гинц не учили того обстоятельства, что начало I столбца надписи до 26-ой строки включительно не входило в состав исторического повествования, начинающегося лишь с 27-ой строки I столбца. Первые 26 строк I столбца не дают, в противоположность исторической части надписи, описания бурных событий первого года царя Дария, а наоборот, должны были увековечить ту стабилизацию державы Ахеменидов, которая создалась в результате побед Дария и его полководцев, одержанных в первый год его царствования. Перевод тех строк I столбца, которые отмечают полное подчинение всего населения державы единой воле Дария, выявит закономерность подобного понимания начала Бехистунской надписи. Установив в первых 10 строках надписи свою родословную, Дарий с 11-ой строки переходит к описанию состава и состояния своей империи: «Говорит Дарий царь: согласно воле Аурамазды я царь есмь, Аурамазда господство мне передал. Говорит Дарий царь: эти страны, которые ко мне пришли: согласно воле Аурамазды я над ними царь был: Персия, Элам, Вавилон, Ассирия, Аравия, Египет, те моря ¹, Лидия ², Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Ареяя, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гандара, Сака, Саттагидия, Арахозия, Мака: всего 23 страны. Говорит Дарий царь: эти страны, которые ко мне пришли, согласно воле Аурамазды моими рабами они были, мне подати они приносили; то, что им мной было сказано, ночью или днем, то они выполняли. Говорит Дарий царь: в этих странах мужа, который заботливым был, того уважаемым держал, который враждебным был, того весьма сурово наказывал. Согласно воле Аурамазды эти страны, которые мои законы почитали ³, как им мной было сказано, так они поступали. Говорит Дарий царь: Аурамазда мне это господство передал; Аурамазда мне помощь принес, пока этим господством я завладел; согласно воле Аурамазды я этим господством владею».

Из данной обширной цитаты явствует, что эти слова были написаны уже тогда, когда Дарий победил врагов, угрожавших ему в страшный первый год его царствования, и прочно завладел всеми покоренными странами. Поэтому он и заканчивает эту первую часть своей большой надписи утверждением, выраженным в настоящем времени: «согласно воле Аурамазды я этим господством владею». Этим «господством» он завладел теперь и во всех тех странах, которые отпали от него, когда он подавлял первый вавилонский мятеж. Среди отпавших стран был и Египет,

¹ Об этой сатрапии, как и вообще о списках сатрапий, см. в другом моем исследовании, готовящемся к печати.

² Точнее «Сарды».

³ Я следую здесь исправлениям, предложенным Тольманом в его «Ancient persian lexicon», стр. 4.

стал снова «рабом» его и приносил ему подати. Поэтому перед нами встает закономерный вопрос, почему же в Бехистунской надписи нигде не упоминается покорение Египта! Отвечая на этот вопрос, надлежит прежде всего указать на то, что Дарий в Бехистунской надписи отмечал отнюдь не все деяния, которые им были совершены в первый год правления. Об этом своем умолчании он говорит сам со всей определенностью в 45—50 строках IV столбца надписи: «Говорит Дарий царь: согласно воле Аурамазды мною другое многое было совершено; оно в этой надписи не написано. Того ради оно не написано, чтобы тому, который впоследствии эту надпись прочитает, преувеличением не показалось то, что мной сделано, и он поэтому не поверит, за ложь сочтет».

Дарий «умалчивает» в своей надписи не только о покорении Египта, но и о покорении Саттагидии и области саков. Надо полагать, что победы над последними не были упомянуты, так как они выступали не самостоятельно, а в союзе с другими более мощными областями: Саттагидия была, вероятно, в союзе с мятежной частью Персиды, саки же примкнули к восставшей Маргиане¹. Что же касается восстания Египта, то оно было, очевидно, весьма незначительным, коль скоро Геродот, который хорошо был осведомлен о событиях в долине Нила, не упоминает ни о каком мятеже в Египте в связи со смертью Камбиса. Не говорит о каком-либо мятеже и упомянутый уже выше (стр. 41) текст, написанный на обратной стороне так называемой демотической хроники², хотя он и сообщает о смерти Камбиса и начале правления Дария: «Содержание (текста) следующего³ за тем, что было написано в книге платежа от 44 года фараона Амасиса до времени⁴, когда Камбис сделал себя царем Египта⁵. Он умер в походе(?), когда еще не достиг своей страны. Дарий (наследовал ему)⁶. Его слушались номы всей страны из-за добродетельности его сердца. Он послал (в) Египет к своему сатрапу в 4⁷ год, говоря: „пусть пришлют мне знающих людей..... из воинов, жрецов, писцов Египта, которые выйдут (?) из него зараз и пусть они запишут закон Египта, который был раньше, вплоть до 44 года фараона Амасиса,— закон фараона, храмов и воинов и (пусть) принесут это сюда“⁸. Они принесли это. Они записали это в один свиток вплоть до 19 года». В дальнейшем документ упоминает в несколько фрагментированном контексте еще и 27 год⁹. Восхваление

¹ См. мою статью ИАН ОИФ, III, № 3 (1946), стр. 236—237.

² Папирус № 215 Национальной библиотеки в Париже. На обратной стороне был записан среди других также и один из интереснейших документов — цитируемый мной третий документ, свидетельствующий об обширном законодательстве древнего Египта.

³ Буквально «вещи, которые стояли».

⁴ Буквально «до дня».

⁵ Имеется в виду время правления Камбиса в Египте.

⁶ Небольшая лакуна в тексте, которая вряд ли может быть заполнена иным содержанием, нежели предложенным мной.

⁷ Уже в моей иероглифической транскрипции, которую я сделал в 1924 г. с данного демотического документа, я исправил ошибку Шпигельберга, прочитавшего для меня непонятным образом данное числительное не в виде знака для «4», а в виде знака для «3». В своей вышеуказанной статье 1943 г. (JNES, II, стр. 110) Кент указал на то, что американский египтолог Паркер недавно также отметил эту ошибку Шпигельберга и предложил датировать этот документ не третьим, а четвертым годом правления Дария.

⁸ Из текста следует, что эти «знающие люди», которым поручено было произвести кодификацию древних египетских законов, должны были быть присланы сатрапом к Дарию в Азию и здесь в столице Дария они должны были выполнить свою работу. Ни один из исследователей, изучавших этот документ, не обратил до сих пор на этот факт должного внимания.

⁹ О конце текста, в котором указывалось о составлении копии законодательного документа арамейским и демотическим шрифтом, см. в готовящейся к печати книге автора.

Дария в только что процитированном демотическом документе перекликается с восхвалением Дария у Диодора (I, 95)¹, которое восходит, как известно, в основной своей части к истории Египта, написанной историком Гекатеем из Абдеры, современником Александра Великого и Птолемея I. У Диодора Дарий также представлен в качестве законодателя, будучи шестым из царей-законодателей Египта, являвшихся египтянами или ливийцами².

Подтверждение традиции о Дарии, сохранившейся в греческой историографии начала эпохи эллинизма, свидетельством демотического документа, восходящего к ахеменидскому времени³, имеет, несомненно, большой интерес для историка. Для решения же поставленного мной вопроса о характере событий, последовавших в Египте после смерти Камбиса, этот документ имеет исключительную ценность. Действительно, в его содержании нет никакого упоминания ни о каком восстании, имевшем место в Египте в начале правления Дария. Документ, казалось бы, свидетельствует о том, что власть Дария была весьма скоро и безболезненно признана в Египте. Хотя он и был составлен, как мы выше видели, не раньше 27 года правления Дария, но он, конечно, мог говорить о восстаниях в Египте, вспыхнувших после смерти Камбиса, в самом начале царствования Дария. Последний же, как мы знаем, рассыпал по сатрапиям и по отдельным городам копии Бехистунской надписи, в которой повествовалось о мятежах и восстаниях⁴. Поэтому отсутствие в приведенном выше демотическом документе упоминания о каких-либо смутах после смерти Камбиса свидетельствует, я полагаю, о том, что Египет в те годы серьезных и длительных смут не переживал. Правда, некоторые исследователи готовы видеть указания на восстания в Египте того времени в известной надписи, вырезанной на наофорной статуе сановника Амасиса II, Псамметиха III, Камбиса и Дария I — Удзахорресне⁵. Они ссылаются на содержание трех строк надписи, вырезанной на одежде сановника перед его правой рукой⁶: «когда смуты возникли в этом nome во время очень больших смут, возникших во всей стране (т. е. в Египте)». В непосредственную связь с этими строками, содержащими упоминание «больших смут», они ставят ту часть надписи вельможи Удзахорресне, в которой упоминается царь Дарий, и они поэтому считают себя вправе утверждать: «ясно, что в Египте при вступлении на престол Дария были волнения»⁷. Но подобный вывод, несмотря на всю категоричность его формулировки, из указанных надписей статуи Удзахорресне сделать нельзя, ибо нет никакой непосредственной связи между теми тремя строками, которые свидетельствуют об «очень больших смутах» в Египте, и той надписью, которая упоминает о царе Дарии. Действительно, названные три строки являются продолжением надписи, вырезанной на правой стороне наоса, который дер-

¹ Диодор подчеркивает заботы Дария о людях и богах, его частые беседы со жрецами и его стремление ознакомиться со священными книгами древней страны.

² На этом спискеказалось воздействие традиций ливийских завоевателей Египта.

³ См. Е. Мейег, *Ägyptische Dokumente aus Perserzeit*, SPAW, 1915. I полутом, стр. 304 сл.

⁴ См. И. М. Волков, Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V века до н. э., М., 1915, стр. 58—59.

⁵ См. последнее издание этой знаменитой надписи в труде G. Rose neg, *La première domination perse en Égypte*, 1936, стр. 1 сл.

⁶ К расположению надписей на наофорной статуе Удзахорресне, хранящейся в музее Ватикана, см. О. Maggiani, *Il museo egizio Vaticano*, Roma, 1899, табл. I—II.

⁷ Кэмрон (JNES, II, 1943, стр. 310), ссылаясь на Ольмстэда, утверждает, что Удзахорресне, сообщив о смутах в Египте, «единым дыханием» (*in the next breath*) упоминает о «величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Дария».

жит перед собой вельможа Удзахорресне, а надпись, упоминающая Дария, вырезана на обратной стороне столба, к которому статуя прислонена спиной, и, несомненно, является заключением для всего комплекса надписей, вырезанных на статуе¹. Она посвящена почестям, выпавшим на долю Удзахорресне, и поручениям, которые он имел при Дарии I. Что же касается надписи, свидетельствующей о смутах в Египте, то она связана с прочими надписями, вырезанными на лицевой стороне памятника и излагающими предшествующие воцарению Дария события из жизни Удзахорресне. По своему содержанию она перекликается с параллельной надписью, вырезанной на левой стороне наоса и на одежде перед левой рукой статуи. В обеих параллельных надписях повествуется о смутах в Египте, и они по содержанию настолько близки друг к другу, что, несомненно, относятся к одному и тому же времени в жизни Удзахорресне. Содержание надписи на левой стороне наоса и одежде перед правой рукой статуи, которая не ставилась в связь с текстом столба на обороте памятника, было следующим: «Достойный у богов Саисского нома, великий врачеванием Удзахорресне говорит: я закрепил храмовое имущество Нейт великой, матери бога, согласно приказу его величества на протяжении вечности. Я воздвигнул памятники для Нейт, владычицы Саиса, со всеми хорошими вещами, как поступает слуга, полезный для господина своего. Я муж благой в своем городе. Я спас людей его во время очень больших смут, когда они наступили во всей стране, и не было равных им (раньше) в этой стране. Я защищал слабого от сильного. Я спасал боязливого, когда наступало несчастье его. Я делал для них всякое полезное, когда (наступало) время действовать для них».

Смуты, о которых глухо говорит здесь Удзахорресне, соответствуют, конечно, тем волнениям, которые возникли в Египте во время неудачного похода Камбиса в Нубию, и о той жестокой расправе, которая последовала со стороны вернувшегося из похода Камбиса по отношению к храмам и некоторым слоям населения долины Нила². Если, таким образом, смуты, упомянутые в переведенной мной надписи, должны быть датированы временем правления Камбиса, а не началом царствования Дария, то тем же временем надлежит датировать и смуты, отмеченные в параллельном ей тексте, вырезанном на правой стороне наоса и на одежде перед правой рукой статуи. «Достойный у своего городского бога, великий врачеванием Удзахорресне говорит: я достойный у отца своего, хвалимый матерью своей, любимец братьев своих; я закрепил их в должности жреца-пророка, я дал им поле полезное, по приказу его величества на протяжении вечности, я создал гробницу для тех (из них), которые не имели гробницу. Я кормил всех детей их; я укрепил все дома их. Я делал им всякое полезное, как поступал отец по отношению к своему сыну, когда смуты наступили

¹ Таковой она рассматривалась всеми исследователями, занимавшимися этим памятником.

² G. Posener, ук. соч., стр. 168, сл., пытается «обелить» Камбиса, но о его жестокой расправе нам сообщают не только греческие историки, но и знаменитое письмо представителей иудейской элефантийской общины наместнику Иудеи (см. И. М. Волков, Арамейские документы пурдской колонии Элефантине V в. до н. э., М., 1915, стр. 12; В. В. Струве, Подлинная причина разрушения иудейского храма, ВДИ, 1938, № 4, стр. 108). Об уничтожении Камбисом имен на саркофагах знати, родственной XXVI Саисской династии, свидетельствуют повреждения имен военачальника Амасиса и матери его Нехтебастера на их саркофагах (см. В. С. Голенищев, Inventaire de la collection égyptienne, СПб., 1891, стр. 94 сл.). Об ущемлении Камбисом экономических интересов египетских храмов сообщает нам и четвертый из папирусов на обороте «демотической хроники». Этот указ был, наверное, также издан Камбисом после похода в Нубию. В такой глухой форме Удзахорресне мог говорить о бедствиях конца правления Камбиса, поскольку события этих лет не вызывали одобрения и самого Дария.

в этом nome среди очень великих смут, возникших во всей стране». Сопоставление двух приведенных текстов доказывает со всей бесспорностью близость их друг к другу и поэтому недопустимость разрыва их органической связи. Различие между ними состоит только в том, что в первом из приведенных текстов Удзахорресне повествует о своих благодеяниях по отношению ко всему населению, а во втором — о благодеяниях по отношению к своим родственникам. Смуты же, о которых говорят обе надписи, относятся к волнениям, вспыхнувшим в Египте во время отсутствия Камбиса в Нубии, и к чрезвычайно суровым мерам, принятым персидским царем после своего возвращения из Нубии. О восстании же Египта против Дария ни одна из надписей на статуе Удзахорресне нам не говорит. Не свидетельствует о восстании и факт пребывания Удзахорресне в Эламе, в столице Дария I, как об этом сообщает заключительная надпись на статуе, посвященная событиям, имевшим место при преемнике Камбиса. Египетский вельможа, предавшийся персам, не бежал вместе с сатрапом в Азию из страха перед восстанием египтян¹, но, несомненно, был послан сатрапом в Элам к Дарию вместе с теми «знающими людьми», которые должны были, по повелению царя, быть доставленными к нему для кодификации древнего египетского права².

Стало быть, ни одна из надписей на статуе Удзахорресне не свидетельствует о каком-либо восстании против Египта во время правления Дария. Поэтому надлежит предположить, что это восстание, о котором сам Дарий сообщает в своей Бехистунской надписи, было настолько незначительным и кратковременным, что о нем могли не сообщать ни греческие историки, ни современные египетские документы и надписи. О кратковременности его говорит и то обстоятельство, что от 3 года Дария I дошел до нас демотический хозяйственный документ³.

Установив и незначительность и кратковременность волнений, имевших место в Египте в самом начале правления Дария I, мы вместе с тем должны решить вопрос о тех побуждениях, которые заставили царя умолчать о ликвидации этого движения. Я полагаю, что причину такой «скромности» Дария следует искать в его отношении к сатрапу Египта, Арианду. Последний был назначен сатрапом Египта еще Камбисом после возвращения его из похода в Нубию⁴. Поэтому Дарий относился с подозрением к нему, подобно тому как он не доверял и Оройту, наместнику в Сардах, которого он также получил в наследство от своих предшественников⁵. Тем не менее о передаче должности сатрапа другому лицу тогда и речи не могло быть, и поэтому на долю Арианда выпала задача подавить вспыхнувшие

¹ Так полагает Кэммерон (JNES, II, 1943, стр. 310—311).

² См. демотический текст, приведенный мной на стр. 43.

³ См. F. Ll. Griffith, Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library at Manchester, Manchester, 1909, т. III, стр. 25—26; G. Roseнег, ук. соч., стр. 175, прим. 41. На этот демотический документ, датированный 3 годом Дария I, должны были обратить внимание Кент и Кэммерон, когда они пытались подкрепить свою датировку V столбца Бехистунской надписи (3 год) ссылкой на отсутствие в величественном эпиграфическом памятнике Дария I упоминания о ликвидации мятежа в Египте. Действительно, если Египет уже в 3 году правления Дария входил в состав персидской державы, то аргументация Кента и Кэммерона в пользу предложенной ими датировки теряет свою силу. Если Египет уже в 3 году был подчинен Дарию, то с точки зрения исторической, датировка V столбца Бехистунской надписи 3 годом не имеет никакого преимущества перед датировкой его 5 годом, которая более предпочтительна с точки зрения филологии и истории создания рельефов и надписей Бехистунской скалы.

⁴ См. Б. А. Тураев, История древнего Востока, II, стр. 124.

⁵ Н. Г., III, 126, сл. Следует обратить внимание на те значительные военные силы, которыми располагал Оройт. Арианд, сатрап Египта, располагал еще значительно большими военными силами, нежели Оройт.

волнения. Они, как мы выше видели, были весьма незначительны, и надо полагать, что враждебные персам выступления в различных номах не были объединены единым руководством. Поэтому и сатрап Арианд мог столь незаметно для окружающего мира, без сражения в настоящем смысле этого слова, подавить эти волнения. В этом отношении заслуги Арианда были далеко не столь велики, как заслуги других полководцев и сатрапов Дария, отмеченных в Бехистунской надписи, в качестве победителей враждебных царю сил в ожесточенных сражениях. Таким образом, Дарий получал, казалось бы, нравственное право не называть в своей надписи подозрительного ему Арианда, чтобы не закрепить его положение в государстве упоминанием в официальном царском документе его заслуг при подавлении волнений в Египте. Хотя Дарий, как мы выше видели, и отметил восстание в Египте, желая в максимально стущенных красках представить положение в 1 году своего правления, он решил из указанных соображений, не отмечать подавление его. При этом он скрыл подлинные мотивы умолчания о подавлении восстания в Египте за вышеприведенными словами (стр. 43), «чтобы тому, который впоследствии эту надпись прочитает, преувеличением не показалось то, что мной сделано, (я) этому не поверит, за ложь сочтет».

Я был вынужден так подробно остановиться на вопросе об умолчании Дария в Бехистунской надписи о подавлении мятежа в Египте¹, чтобы лишить какой-либо силы исторический аргумент, приведенный Кентом и Кэмероном в пользу датировки V столбца 3 годом. Я надеюсь, что достиг своей цели и лишил тем самым восстановление датировки, предложенной двумя названными американскими иранистами, права на существование. В таком случае остается в качестве единственного возможного восстановление датировки V столбца как «пятого года». Что же касается восстановления конца второй строки, то я выше (стр. 38—40), показал, что восстановление, предложенное Гинцем и Кентом, ага «тот» является невозможным с точки зрения грамматической. Поэтому я предлагаю восстановление a(-па-i-у)a(niya), а вместе с первыми двумя знаками начала 3-ей строки столбца — a(niya)mса, т. е. «в другой (раз)»; ср. в сходном контексте ratiy duvitiyam «опять во второй (раз)» (Бех., II, 37—38) или ratiy ϑ/ritiyam «опять в третий (раз)» (Бех., II, 43 и 57). Всю датировку V столбца я предлагаю, стало быть, восстановить следующим образом: (ra)tiy : a (-па-i-у)a-mса : ra (са-ма-а-ма:) ϑardam: «Опять в другой раз, в пятый год».

Это восстановление датировки V столбца Бехистунской надписи, являющееся выводом из всего вышеприведенного мной материала, представляется безупречным как с точки зрения эпиграфики и палеографии, так и с точки зрения филологии, а также с точки зрения истории завершения рельефов и надписей Бехистунской скалы. Отсюда вытекает, что события, описанные в V столбце Бехистунской надписи — третье восстание в Эламе и поход на саков следует датировать 5 годом правления Дария, т. е. 517 г. до н. э.². События же, которые были увековечены в тексте V столбца, отнюдь не являются сравнительно мало значительными, как это пред-

¹ Кэмerson (JNES, II, 1943, стр. 110, прим. 21) включил в свою аргументацию и рассказ Полиэна (VII, 11, 7) о волнениях в Египте, вызванных жестокостью Арианда, и о мерах, принятых Дарием в целях умиротворения страны. Я предлагаю, что этот рассказ Полиэна имеет отношение к событиям, последовавшим за большим походом в Ливию, предпринятым по приказу Арианда около 512 г. до н. э. Я коснулся персидского завоевания в Ливии в подготовляемой и печати книге.

² Конечно, полная уверенность в восстановлении датировки V столбца Бехистунской надписи может быть достигнута лишь после нового изучения этого крупнейшего эпиграфического памятника мира.

полагают некоторые исследователи¹. Восстание в Эламе, столице близком Персиде, сердцу державы Ахеменидов, являлось особенно грозной опасностью для Дария I. Оно было чревато возможностью распространения мятежа на Персию не только вследствие близости последней к Эламу, но и ввиду того, что население городов в Персиде являлось по своей народности еще эламским. Что же касается второго похода, имевшего место в пятом году правления Дария I, то это не был поход на амировийских саков, давно уже признавших владычество персов и восставших на короткое время в 522 г., как я это выше указал, поход 517 г. был направлен против саков-массагетов, в войне с которыми в 529 г. потерпел поражение и нашел смерть Кир. Поскольку саки-массагеты были нашими соотечественниками, то результатом моего исследования является установление новой, заслуживающей доверия, даты в истории нашей родины. Вместе с тем восстановление V столбца Бехистунской надписи является завершением расшифровки этого знаменитого памятника, являющегося ценным источником для древней истории целого ряда народов нашей страны.

¹ Например, Кент (JNES, II, стр. 109—110).